

## ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ ПРЯЛИ ПОЗДНО ВЕЧЕРКОМ...

**П**ремьеру пьесы **Юлии Тупикиной «Юг/Север»** в **Российском академическом театре Российской армии** анонсировали загодя, подчеркивая, что автор — специалист в области современной тематики и участник многочисленных конкурсов в области современной драматургии — писала текст из расчета сделать бенефис для трех ведущих актрис труппы: **Ольги Богдановой, Алины Покровской и Ларисы Голубкиной**. Точнее сказать — для четырех. Неубиваемые тэги в сети отсылают к сайтам, подчищенным информаторами накануне открытия сезона в ЦАТРА,

но из оставшейся висеть рекламы можно узнать, что репетировать, оказывается, начинала и **Людмила Чурсина**. Даже без инсайдерской информации понятно: что-то пошло не так, именитая артистка отменного вкуса и каллиграфического мастерства отдала роль дублерше, скорее всего **Наталье Лоскутовой**, сыгравшей зампрефекта одного из Московских округов Татьяну Петровну Иванову. История про чиновницу Иванову, пичкающую своего отца (**Леон Кукулян**) психотропными пилюлями, дабы тот, обитающий в землянке на рублевских сотках обеспеченной дочери, вспом-

Регина — А. Покровская



нил, наконец, что со времени окончания Великой Отечественной, которую он прошел двадцатилетним пареньком, прошло больше семидесяти лет, прямого отношения к действию, развернутому **Гарольдом Стрелковым**, не имеет. И выглядит античной эмболоимой (вставкой), призванной, очевидно, довести основную сюжет до эпического разворота. По словам режиссера, не больше и не меньше, как о Москве, вобравшей в себя и в себе перемоловшей судьбы двух сестер и их подружки. Они приехали завоевывать столицу СССР, осели здесь, вкусили по полной того, что называется бабьей долей, но и оптимизма не растеряли (жанр спектакля — лирическая комедия). Все одиноки, но все так или иначе оспаривают внимание одного кавалера — стареющего бонвивана Игорька (**Сергей**

**Колесников**), всегда готового найти выгоду под сильным женским крылом.

Сюжет «плавает» от одной героини к другой, пока режиссер ищет исходное событие и конфликт, чтобы хоть как-то обозначить на сцене единый контур повествования. Повествование — ключевое определение для текста Юлии Тупикиной. Не надо быть Аристотелем, чтобы определить: рассказ о случившемся имеет точно такое же отношение к действию, суть отличающему драматургию от литературы, как эпос Гомера к древнегреческой трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида. Что — вспомним аристотелеву «Поэтику», проложившую пути к «хорошо сделанной пьесе», — «...целое есть то, что имеет начало, середину и конец» и что «склад событий», «завязка (desis)», «развязка (lysis)», «перелом (peripetia)», «узонавание» и прочие премудрости отличают

Роза — Л. Голубкина





Алла Молодецкая — О. Богданова

профессионального драматурга от восторженного любителя, а «хорошо сделанную пьесу» от сделанной плохо.

Скрытым пониманием, очевидно, наделен и режиссер, скрепляющий пространственные монологи-воспоминания подругек коллективным сценическим образом так называемых «людей города». Горожан, спящих по гигантской площадке ЦАТРА, изображают всего шесть артистов, тщетно пытающихся заполнить поставленными **Екатериной Кисловой** пластическими композициями обманчивое пространство армейских подмошков. Ансамблевая роль одетых в униформу (художник по костюмам **Ольга Поликарпова**) горожан, увы, никак не работает, если не сказать — мешает, и Стрелкову приходится искать дополни-

тельные подпорки — уже вербальные. В ансамбле возникают солистки, на протяжении четырехчасового спектакля то и дело выкрикивающие в зал через микрофоны: «Сцена следующая!». Без чего даже пытливому зрителю не понять — закончилась ли сцена, предшествующая новой: ведь трудов теоретиков драмы от ученика Платона и воспитателя Александра Македонского до Эрика Бэнтли и Петера Сонди под рукой ни у кого нет.

Так и дрейфует история о Москве и ее обитателях по массивным лабиринтам супрематических декораций **Максима Обрезкова**, из которых, как из-под земли, вырастает Кутафья башня Кремля, искусно подсвеченная **Андреем Абрамовым** наподобие символа непреходящей радости столичного бытия.

Где-то рядом, может быть, из окон на Большой Никитской или подальше — из района новоярбатских высоток, смотрят в самое сердце большой Родины три наивные «девицы»: владелица ИП «Молодецкий задор» Алла (**Ольга Богданова**), ее сестра и подельница-сваха Регина (**Алина Покровская**) и их соседка по дому певица Роза (**Лариса Голубкина**). А еще дальше — за Кутузовским проспектом, переходящим в Рублевское шоссе, пытается излечить своего отца-фронтвика от амнезии Татьяна Петровна Иванова (**Наталья Лоскутова**). Чтобы как-то соединить линии жизни каждой под светом кремлевских башен, Юлия Тупикина и придумывает простую историю о том, как во время свадебной церемонии, организованной Аллой Молодецкой, исчезает ее, Аллы, сын Роман (**Михаил Данилюк**). Впрочем, заботливая мать в поисках чада бьется недолго. Большой город ей не помеха, чтобы узнать: тот влюбился, переехал к подружке Ане (**Мария Белоненко**) и предпочел обеспеченной жизни под доглядом матушки самостоятельную — пришло время. Алла пытается вернуть беглеца домой и очень скоро выясняет, что разлучница Аня — племянница Татьяны Петровны Ивановой, занимающей важный кабинет в районной префектуре. О том, что «веганка» и поборница здорового образа жизни беременна от Романа, что бросает его с новорожденным младенцем на руках и с помощью тетки отправляется «чистить океан» в заморские дали, равно как и о том, что в индивидуальную предпринимательницу влюбляется некто Эдуард (**Владимир Еремин**), и она, вспоминающая о своем детстве, отрочестве и юности в кишиневских дворах, ему начинает отвечать взаимностью, — обо всем этом без *desis, peripetia* и *lysis* публика узнает из бесконечных рассказов, пересыпанных рэпом (композитор **Рубен Затилян**), рекламных слоганов и взрывающимися городским сленгом комментариев. Хотя, справедливости ради,

иногда что-то видно воочию: например, дорожную аварию, куда попадает помощник чиновницы Татьяны Петровны Антон Барыш (**Денис Кутузов**), или картину соблазнения, где отставленный Аллой Игорек сначала пытается расположить к себе ее сестру, а потом и подругу. И справедливости же ради следует признать, что титанические усилия народных артисток, не устоявших перед соблазнительными свойствами аккордного бенефиса, обещанного родным театром, точно достигают зрительских откликов. У Ольги Богдановой, чей голос в длинном воспоминании о матери добирается скрипичных высот, потом падает в виолончельные бездны, пока снова не взлетает к прозрачным флейтовым верхам, и этой чувствительной динамике публика верит. У Алины Покровской, умеющей рассказ о кишиневском дворецком детстве и переезде в Москву превратить в лирическую мелодию сердца, и тут тоже — правда. И даже у Ларисы Голубкиной, чья активная роль сведена, кажется, только к музицированию, но и в ее романсовых напевах рождается трогательная *back story* и человеческой, и актерской судьбы. Вероятно, ради таких мгновений стоило взять в работу разрозненные бытовые этюды Юлии Тупикиной и постараться собрать их на живую нитку. Но что поделать, если наметанные швы рвутся, нетвердая режиссерская рука дрожит, и зритель покидает премьеру длинной вереницей после антракта, возвращаясь кто на юг города, кто — на север. Ему хотели рассказать о «розе ветров» в Москве, о жизни в залог, о жизни наперегонки, о жизни наперекор. Просто — о жизни и о том, что она прекрасна. Оказалось, что обо всем этом он знал по собственному опыту, и к нему ничего не добавили ни драматург, ни режиссер, ни театр.

Николай ИРТЕНЬЕВ

Фото предоставлено театром